

Правовые позиции Европейского Суда по правам человека (в свете постановлений, принятых в 2010 году по жалобам против Российской Федерации)

А.И.Ковлер
д.ю.н., проф., судья ЕСПЧ

Авторизованная версия, подготовлена на основе доклада на конференции в Российской академии правосудия в декабре 2010 года. Предоставлена Автором.

Статья также доступна в версии журнала "Российское правосудие" №2 (58) 2011, стр. 16-31.

2010-й год был отмечен несколькими важными событиями, на фоне которых следует анализировать все проблемы, связанные с рассмотрением жалоб против России (как, впрочем, и против любого государства-участника Конвенции) в Европейском Суда по правам человека.

Во-первых, состоялась долгожданная ратификация Российской Федерацией Протокола №14 к Европейской Конвенции, которая позволила с опозданием на 4-5 лет провести мини-реформу Суда, прежде всего с точки зрения рационализации его процедуры.

Во-вторых, 18-19 февраля 2010 г. в швейцарском Интерлакене состоялась Конференция представителей государств-членов Совета Европы с единственной повесткой дня – повышение эффективности системы Европейской Конвенции, ее применение на национальном уровне. Конференция приняла Декларацию, своего рода «дорожную карту» на ближайшие годы, сделав акцент на «фундаментальном значении принципа субсидиарности, который предполагает прежде всего ответственность государств-участников на национальном уровне в применении Конвенции как основополагающего инструмента европейского публичного порядка», при этом государства участники призываются «в максимальной степени делать выводы из постановлений Суда, устанавливающих нарушения Конвенции другим государством, особенно тогда, когда в правовой системе другого государства существуют те же проблемы».

Исходя из мичуринского принципа не ждать милостей от природы, Европейский Суд начал с июня 2009 г. проводить отбор дел для приоритетного рассмотрения, чтобы эти дела не были раздавлены массой «клоновых» жалоб и заведомо неприемлемых жалоб; кроме того, поощряемый Комитетом Министров Совета Европы, он продолжил практику принятия «пилотных постановлений» по системным нарушениям Конвенции в государствах-

участниках, наконец, Суд существенно увеличил с января 2010 г. суммы присуждаемой компенсации за моральный ущерб, особенно по нарушениям так называемых «абсолютных прав» (статьи 2, 3, 4, 5 Конвенции).

Что касается России, то важнейшим по своим правовым последствиям событием года было принятие – как следствие «пилотного» постановления *Бурдов против России №2 (Burdov v. Russia (№2), 33509/04, 15.01.2009)* – Федерального закона 68-ФЗ от 30 апреля 2010 г. (вступил в силу 4 мая 2010 г.) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

По этим причинам несколько изменим традиционный метод анализа российских дел (статистика, отдельные постановления и т.д.) и рассмотрим вначале последствия этих событий.

Протокол №14 вносит изменения в текст Конвенции и устанавливает принцип единоличного (вместо прежних трех судей) принятия решения о неприемлемости жалоб. При этом национальному судье заблаговременно сообщается текст предполагаемого решения, и он имеет право отлагательного вето, если не согласен с ним. Эта процедура уже была опробована на государствах, подписавших так называемый Протокол №14-бис (спасательный круг Суду ввиду неясности ситуации с Протоколом №14), показала свою эффективность, обеспечив более ускоренное рассмотрение жалоб этой категории, и с 1 июля стала применяться ко всем странам без исключения. Применительно к России производительность Суда по этим жалобам увеличилась примерно на 20% и была бы еще больше, если бы в Суде работало на этом направлении 30-40 юристов из России вместо нынешних 10 из общего числа 35 российских юристов.

С 1 июля 2010 г. заработали и комитеты из трех судей по рассмотрению по существу так называемых «клонных жалоб» из России, в первую очередь жалоб по отмене в надзоре неисполняемых судебных решений по социальным вопросам, прежде всего это дела «пенсионеров-вредников» (тип «пенсионеры из Электростали»). Первым постановлением по этой категории жалоб было дело *«Попова и другие пенсионеры-льготники против России» (Popova and other “Privileged pensioners” v. Russia, no. 32310/08..., 23.09.2010)*. Это одна из самых типичных жалоб из общего числа около 600 жалоб подобного рода.

Протокол №14, изменивший ст. 35 § 3b) Конвенции позволяет Суду признавать неприемлемыми жалобы в случае незначительного ущерба («по

significant disadvantage»). Первой жертвой этого критерия стала жалоба «*Adrian Mihai Ionescu c. Roumanie*» (36659/04, (dec.) 1.06.2010), за ней последовала жалоба «*Владимир Петрович Королев против России*» (*V.P.Korolev v. Russia*, no. 25551/05, (dec.) 1.07.2010), где речь шла о невыплате по судебному решению в Екатеринбурге возврата судебных издержек на сумму 22 р. 50 коп. В постановлении по делу *Васильченко* (*Vasilchenko v. Russia*, no. 34784/02, 23.09.2010) Суд признал неприемлемой ту часть жалобы, где речь шла о невыплате полковнику Васильченко П.И. 500 рублей из общей суммы 776 243 руб. компенсаций, принужденных гарнизонным судом: «Учитывая общий размер компенсации, полученной на местном уровне и на незначительность («minor nature») суммы, приблизительно равной 12 евро, Суд приходит к заключению, что заявитель не претерпел значительного ущерба (did not suffer significant disadvantage) в результате невыплаты властями данной суммы» (§ 49 постановления).

Напротив, как отмечалось выше, Суд, исходя из статьи 41 Регламента, четко определил несколько категорий дел, которым он уделяет отныне приоритеты. Это дела, связанные с:

- нарушением «абсолютных прав»: право на жизнь (статья 2 Конвенции), право не подвергаться пыткам и бесчеловечному обращению или наказанию (статья 3), запрет рабства и подневольного труда (статья 4), право на свободу (статья 5), особенно тогда, когда лишенный свободы страдает тяжелой болезнью (СПИД, туберкулез, гепатит) и подтверждает это справками;

- правами детей и несовершеннолетних подростков;

- ущемлением прав престарелых (а из России очень много жалоб пенсионеров);

- проблемами нарушения многих статей Конвенции (так называемый «букет нарушений»);

- с применением статьи 39 Регламента «Неотложные меры», как правило, это дела об экстрадиции, высылке, либо о необходимости срочных медицинских и иных мер.

Легко догадаться, что под эту категорию подпадает добрая половина российских потенциально приемлемых жалоб, поэтому скорость их рассмотрения, увы, не крейсерская...

Те, кто внимательно следят за практикой Суда по присуждению компенсации за моральный ущерб (статья 41 Конвенции) – а это прежде всего

сотрудники Аппарата Уполномоченного РФ при Европейском Суде и Минфина – заметили, что с января 2010 резко возросли выплаты, присуждаемые Судом, особенно за нарушение права на жизнь, за жестокое обращение в полиции, за условия содержания в следственных изоляторах, за неоказание должной медицинской помощи заключенным... Это связано с тем, что многие государства предпочитают «откупаться» за индивидуальные нарушения, полагая это более «практичным», чем принятие мер общего характера. Так, по статье 2 («чеченские жалобы») Россия отныне выплачивает по 50-70 тыс. евро вместо прежних 20-30 тыс., выплаты по статье 3 зависят от значительности пребывания в плохих условиях заключения или интенсивности жестокого обращения – и измеряются отныне десятками тысяч евро. Так, по известному делу *Штукатурова (Shtukaturov v. Russia, no. 44009/05, just satisfaction, 4.03.2010)* Суд присудил отдельным постановлением 25 тыс. евро за незаконное помещение в психиатрическую лечебницу, 18 тыс. евро высланному в Узбекистан Муминову (*Muminov v. Russia, no. 42502/06, just satisfaction 4.11.2010*). Разумеется, в тех случаях, где национальные суды присуждают справедливую компенсацию, схожую с той, которую присуждает ЕСПЧ, Суд признает такую жалобу неприемлемой, ибо заявитель утратил статус жертвы нарушения (см. *Khalin v. Russia, no. 24169/05, (dec.) 2.12.2010* – Старооскольский горсуд Белгородской области 26 апреля 2010 г. присудил в качестве компенсации за длительное неисполнение судебного решения 235 тыс. руб., т.е. около 6 тыс. евро).

Последнее обстоятельство требует уточнения. В ряде дел Суд констатировал, что на национальном уровне судьи признали наличие нарушения Конвенции и национального законодательства и даже присудили компенсацию (от 200 до 500 тыс. рублей), но Европейский Суд признал эту компенсацию недостаточной по европейским стандартам и присуждал компенсацию, исходя из своих расчетных таблиц, за вычетом компенсации, полученной на национальном уровне: 105 тыс. евро в деле *Копылова (Kopylov v. Russia, no. 3933/04, 29.07.2010)*, которому Советский Суд г. Липецка постановил 6 октября 2008 г. выплатить 450 тыс. руб. (12 500 евро) морального ущерба за жестокость при допросе по ложному обвинению. В деле *Ромохова (Romokhov v. Russia, no. 4532/04, 16.12.2010)* ослепший в ИК-8 г. Калининграда заключенный получил компенсацию 300 тыс. рублей (около 8800 евро), Страсбург же присудил ему 70 тыс. евро...

Прошло то время, когда достаточно высокие гонорары за представительство российских заявителей «срывали» почти исключительно западные адвокаты. Отныне научились обосновывать свои гонорары и российские адвокаты, причем как московские и питерские, так и адвокаты из областных и даже районных центров (см., например, *Kolesnik v. Russia*, no. 26876/08, 17.06.2010; *Karimov v. Russia*, no. 54219/08, 29.07.2010; *A.B. v. Russia*, no. 1439/06, 14.10.2010; *Alekseyev v. Russia*, no. 4916/07, 21.10.2010; *Dzhamayeva e.a. v. Russia*, no. 26980/06, 21.12.2010).

Дабы завершить «денежную» тему, отметим благотворное влияние упомянутого Федерального закона «О компенсации...» В ожидании принятия и вступления в силу этого закона Суд заморозил на 1 год рассмотрение жалоб по неисполнению решений национальных судов. Уже до вступления закона в силу власти Российской Федерации начали заключать по этим жалобам мировые соглашения, что позволило Суду, получив соответствующие документы (заявление гражданина либо так называемая «односторонняя декларация» властей о готовности к мировому соглашению), снимать сотнями эти жалобы с рассмотрения либо признавать их неприемлемыми ввиду исчерпания внутренних средств правовой защиты (см. «ведущий прецедент»: *Nogovitsyn and Nalgiyev v. Russia*, nos. 27451/09 and 60650/09, 23.09.2010). Как и в отмечавшемся деле *Халина*, в ряде регионов сами суды, ссылаясь на практику Европейского Суда и на новый закон, берут на себя инициативу по выплате справедливой компенсации. Так, в деле *Балагурова (Balagurov v. Russia)*, no. 9610/05, (dec.) 2.12.2010) Сыктывкарский городской суд в 2004 г. присудил компенсацию за ущерб здоровью, причиненный военнослужащему террористическим актом в Чечне, а 5 июля 2010 г. Верховный Суд Коми республики присудил компенсацию за неисполнении в течение более 2-х лет этого решения в размере 70 тыс. рублей (1750 евро), что соответствует европейским стандартам. Такой параллельный «активизм» исполнительной и судебной власти можно только приветствовать.

Сложнее обстоит дело с исполнением, вернее – с неисполнением, судебных решений о выделении жилья льготникам, прежде всего увольняемым в запас военнослужащим. На них не распространяется действие пилотного решения Бурдов-2. По этой причине Суд продолжает рассматривать эту категорию жалоб (*Kravchenko et autres c. Russia (logements militaires)*, no. 11609/05... 16.09.2010) и находит нарушение статьи 6, если проволочка с

исполнением превышает более одного года. Правда, исходя из своего прецедента *Николенко (Nikolenko v. Russia, no. 38103/04, 26.03.2009)*, Суд не считает, что задержка в выделении жилья военнослужащим обрекает их, как они утверждают, на «подневольный труд» (статья 4) ввиду вынужденного продолжения военной службы до получения жилья... Но в этой категории «квартирных» дел помимо военнослужащих представлены также инвалиды, чернобыльцы и даже судьи и прокуроры. Так, Суд удовлетворил жалобу прокурора из г. Бердска Новосибирской области (*Privalikhin v. Russia, no. 38029/05, 12.05.2010*) в отношении которого 2 года 11 месяцев не исполнялось судебное решение о выделении ему квартиры. (Примечательно, что после коммуникации жалобы властям областная администрация поспешила выделить и квартиру, и «на всякий случай» 1,5 млн. рублей на приобретение жилья, от которых прокурор отказался). Таким образом, мораторий на рассмотрение жалоб по неисполнению судебных решений распространялся в 2010 г. только на *денежные* обязательства государства.

Таковы основные новые моменты в процедуре и прецедентной практике Суда в 2010 г., хотя ими не исчерпываются новые подходы Суда к рассмотрению жалоб.

Прежде, чем обратиться к статистическим показателям, отметим 3 фактора, повлиявших в последний год на статистику. Во-первых, как уже отмечалось, с июня 2009 г. Суд рассматривает дела в строгом соответствии с категориями приоритетности. Приоритетные дела, как правило, сложнее, требуют большего времени на рассмотрение. По этой причине «производительность» вынесения постановлений Судом снизилась в первом полугодии на 15% (для некоторых стран еще больше). Иными словами, дополнительные усилия сосредоточены на сложных делах в ущерб делам обычным, но Суд был вынужден пойти на это. Во-вторых, применяемая процедура «пилотных постановлений» имеет своим следствием «замораживание» жалоб по схожим ситуациям в ожидании принятия государствами соответствующих мер общего характера. Применительно к России было заморожено около 1,5 тыс. клоновых жалоб типа *Бурдова*, а эти жалобы давали до 40% постановлений ежегодно. В-третьих, Суд пошел на беспрецедентное объединение многих жалоб от одной категории заявителей (например, пенсионеров) или из одного региона в одно производство, вынося одно постановление. Примером может быть жалоба 87 военных пенсионеров из

Новочеркаска (*Streltsov and other Novocherkassk military pensioners v. Russia*, no. 8549/06-39423/07, 29.07.2010) на отмену в надзоре «пенсионных» судебных решений или жалоба 29 жителей села Катыр-Юрт в Чечне по поводу гибели под обстрелом 24 родственников (*Abuyeva e.a. v. Russia*, no. 27065/05, 2.12.2010).

Итак, с учетом этих оговорок можно сказать, что 2010-й год с его 216 постановлениями по России был менее «урожайным», чем предыдущие годы (219 в 2009 г., 250 в 2008 г.). Однако, с учетом того, что эти постановления нередко включают в себя несколько объединенных в одно производство жалоб, фактически были приняты постановления почти по 600 жалобам. К этому следует добавить около 30 палатных решений о неприемлемости и около 100 постановлений о снятии жалоб с рассмотрения. Вместе с тем, сохраняется высокая динамика поступления российских жалоб в Страсбург – по моим предварительным оценкам – около 14 тыс. в 2010 г., в результате чего общее число российских жалоб, ждущих своего рассмотрения, превысило уже в октябре 40 тыс. из 140 тыс. общего числа жалоб, скопившихся в ЕСПЧ, т.е. 28,5% при 17,5% доли России в общем населении Европы.

Не работает прежний «успокоительный» показатель о том, что Россия находилась по числу жалоб на 10 тыс. жителей где-то в середине списка, ибо Россия вместе с Турцией вышла в бесспорные лидеры по постановлениям, касающимся нарушений, связанных с насильственными действиями против личности: статья 2 (право на жизнь) – 35 «чеченских» постановлений по насильственному похищению и исчезновению членов семей заявителей, гибели под обстрелом, к ним добавились жалобы из Ингушетии, Дагестана, а также жалобы родственников лиц, умерших от «лечения» в медицинских учреждениях; около 60 постановлений по статье 3 – жестокое обращение в милиции и следственных органах, условия содержания в СИЗО, ИВС, ненадлежащая медицинская помощь в местах лишения свободы; статья 5 – около 40 постановлений по злоупотреблению содержанием под стражей как единственной известной многим судам мерой пресечения, процессуальные нарушения при решении вопросов продления предварительного заключения. Таким образом, более половины постановлений Европейского Суда по России в 2010 г. – это постановления по статьям 2, 3, 5 Конвенции, т.е. по нарушению т.н. «абсолютных прав». К ним следует добавить для полноты картины полтора десятка постановлений по нарушению статей 3 и 5 в связи с экстрадицией или высылкой из России граждан Узбекистана, Таджикистана, Казахстана,

Туркмении (особняком стоит дело *Klein v. Russia*, 24268/08, 1.04.2010 о предполагавшейся экстрадиции в Колумбию гражданина Израиля). По этой причине хотелось бы сосредоточить внимание прежде всего именно на этих нарушениях.

Следуя рекомендациям Декларации Интерлакена да, впрочем, и по собственному опыту, Суд применяет в последнее время более жесткий подход к доказательной базе и к проблеме исчерпанности внутренних средств правовой защиты по наиболее чувствительной категории – «чеченским» жалобам (см. решение о неприемлемости по делу: *L.Nasipova and M.Khamzatova v. Russia*, no. 32382/05, (dec.) 2.09.2010). Так, в ряде дел не было установлено нарушение статьи 2 по факту предполагаемого исчезновения и смерти родственников заявителей (*Tovsultanova v. Russia*, no. 26974/06, 17.06.2010; *Udayeva and Yusupova v. Russia*, no. 36542/05, 21.12.2010). Аналогично, не было установлено факта ответственности государства за смерть в больнице сына заявительницы Корогодиной из Орла (*Korogodina v. Russia*, no. 33512/04, 30.09.2010). Но практически во всех случаях жалоб по статье 2 установлена неэффективность следственных действий, когда следствие по несколько раз прекращается и вновь открывается (в деле Корогодиной – 6 раз). Такая же картина и по жалобам на издевательства при задержании или проведении дознания, когда ряд заявителей не смогли представить неоспоримых доказательств применения к ним жестокого обращения (*Sharkunov and Mezentsev v. Russia*, no. 75330/01, 10.06.2010; *Lopata v. Russia*, no. 72250/01, 13.07.2010; *Maryin v. Russia*, no. 1719/04, 21.10.2010; *Boris Popov v. Russia*, 23284/04, 28.10.2010), но практически по всем этим и другим делам не было проведено надлежащего расследования предполагаемых фактов нарушения прав задержанных.

Рост числа получаемых жалоб по статье 3 и соответственно выносимых по ним постановлений вызывает в Суде растущую озабоченность. Прежде всего, это сохраняющаяся высокая доля жалоб на условия содержания в СИЗО, от ИЗ-93/1 г. Калининграда до ИЗ-62/1 Южно-Сахалинска. Сидельцы этих далеко не богоугодных заведений теперь уже сами достаточно подробно описывают условия своего в них пребывания, сопровождая их письменными показаниями сокамерников, фотографиями, обмерами, распечатками меню. Наиболее профессиональное описание СИЗО г. Южно-Сахалинска дала пробывшая там более года бывший начальник областного управления юстиции (*Gultayeva v. Russia*, no. 67413/01, 01.04.2010). Совершенно уникальное дело

Христофорова из Магаданской области (*Khristoforov v. Russia*, no. 11336/06, 29.04.2010): заявитель провел в ИВС Северо-Евенского РУВД 7,5 месяцев (максимальный срок пребывания по закону 10 дней!) в помещении без окна и вентиляции, без туалета (на ночь выдавали целлофановый пакет), с плесенью и прочими мерзостями, которые отметила и проверка областного управления МВД. В ответ на требование о переводе хотя бы в СИЗО в Магадане прокурор района отвечал отказом «ввиду большого расстояния и отсутствия средств на перевозку».

Крайне острой предстает проблема медицинской помощи заключенным. Несколько примеров.

Больного pulmonальным туберкулезом заключенного Москалюка (*Moskalyuk v. Russia*, no. 3267/03, 14.01.2010) отправили по этапу из лазарета ИЗ-77/1 Москвы в Омск, а оттуда зимой с 14 ноября 2002 г. по 4 января 2003 г. в ЛИУ-1 г. Калуги. По прибытии в Калугу медицинская комиссия нашла его... выздоровевшим!

В деле Ахметова (*Akhmetov v. Russia*, no. 37463/04, 1.04.2010) заключенного с опухолью мозга гоняли из Челябинска по медицинским учреждениям Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Тюмени, Красноярска, Воронежа – пока он не стал неоперируемым... (Российский и норвежский судьи заявили особое мнение, ибо администрация ЯВ-48/Т сделала все возможное, чтобы организовать надлежащее лечение, но ни один из государственных медицинских центров не соглашался принимать обвиненного в убийстве...)

Уже упоминалось дело заключенного Ромохова, которого, несмотря на заключение врачей о невозможности дальнейшего содержания под стражей освободили только через полгода, практически ослепшего, по решению Центрального суда г. Калининграда. (Кстати, решение того же суда о компенсации было исполнено через 1 год 2 месяца). Практически никакого эффективного лечения не получал больной СПИДом и гепатитом В и С заключенный Кожокарь (*Kozhokar v. Russia*, 33099/08, 16.12.2010). Прибыв в ИЗ-39/1 г. Калининграда в декабре 1999 г. практически здоровым, заявитель Гладкий вышел оттуда в январе 2002 г. инвалидом 2-й группы с инфильтрированным туберкулезом (*Gladkiy v. Russia*, no. 3242/03, 21.12.2010).

Правда, есть и истории с более или менее благополучным исходом. Арестованный в 2007 г. и осужденный за сбыт наркотиков заявитель Пахомов (*Pakhomov v. Russia*, 44917/08, 30.09.2010) был болен туберкулезом с 2003 г.

Однако, получив в ИЗ-25/1 Приморского края интенсивное лечение, проходя ежемесячные осмотры и процедуры вышел из него практически излеченным. (Кроме того, Приморским краевым судом в марте 2008 г. был отменен приговор ввиду серьезных процессуальных нарушений – судья сослался при этом и на статью 6 § 3 Европейской Конвенции, а также и на статью 6 § 3 Европейской Конвенции, а также на право оправданного на компенсацию по статье 1070 ГК). Европейский Суд не нашел в этом деле ни нарушения статьи 3, ни нарушения статьи 6. По аналогичным мотивам признана неприемлемой и другая жалоба (*A.Sopet v. Russia*, no.4575/07, (dec.) 16.09.2010).

К сожалению, нет примеров эффективного расследования, признания нарушения и выплаты надлежащей компенсации по делам о жестоком обращении с задержанными и подозреваемыми. «Клонов» дела Михеева становится все больше...

Полна драматизма история упоминавшегося дела Копылова (*Kopylov v. Russia*, no. 3933/04, 29.07.2010): жестокое избиение сотрудниками милиции Долгоруковского РУВД Липецкой области с целью получения признательных показаний по делу об убийстве милиционера; в результате попыток частичная потеря слуха, сломанные ребра, повреждение ступней, параноидальное расстройство личности (диагноз Института им. Сербского). На суде пытался отказаться от полученных под пыткой признаний, избит прямо в помещении суда в наручниках на глазах у матери; в это время областной суд приговаривает за убийство милиционера другого человека; сам Копылов признан виновным в краже, но освобожден от наказания ввиду ухудшения состояния здоровья. Районная прокуратура отказалась проводить расследование, обвинение сотрудникам РУВД предъявлено областной прокуратурой, 6 сотрудников приговорены в 4-5 годам лишения свободы по ст. 286 § 3 УПК РФ (превышение должностных полномочий) через 6 лет после события, затем сроки были снижены наполовину областным судом четверым из шести осужденных «с учетом наград и положительных характеристик с места работы». Напомню, что Советский суд г. Липецка в октябре 2008 г. постановил выплатить компенсацию 450 тыс. рублей, которую Европейский Суд счел недостаточной и добавил 105 тыс. евро.

Жестокому избиению подвергся в РУВД 184 г. Москвы 18-летний Тигран Айрапетян. Избитый почти до потери сознания, он был доставлен сотрудником милиции в поликлинику, где констатировали перелом челюсти.

Начатое расследование было прекращено «за отсутствием доказательств совершения преступления», а после его возобновления суд оправдал подозреваемого сотрудника милиции «ввиду противоречивости показаний потерпевшего» (*Tigran Ayrapetyan*, no. 75472/01, 16.09.2010).

Последним делом из этого «сериала» предстает дело об аресте по подозрению в убийстве мэра г. Нижневартовска и жестокие избиения азербайджанцев братьев Имановых; после получения от них признательных показаний они были отпущены (!) под подписку о невыезде, а через несколько месяцев обвинения с них были сняты за недоказанностью. И год, и два спустя врачи продолжали констатировать последствия таких «методов дознания», которым подверглись братья (*Eldar Imanov and Azhdar Imanov v. Russia*, no. 6887/02, 16.12.2010).

О злоупотреблении арестом и содержанием под стражей как безальтернативной мерой пресечения уже упоминалось. Более двух лет провел в предварительном заключении по подозрению в злоупотреблении служебным положением подполковник Сычев из Тюменского гарнизона, пока с него не было снято большинство обвинений и он был отпущен по залог 10 тыс. рублей (*Sychev v. Russia*, no. 14824/02, 23.02.2010). Подобных жалоб Судом в 2010 г. было рассмотрено более 20.

Но Европейскому Суду приходится сталкиваться и с примерами вопиющей профессиональной небрежности судов при решении вопросов о продлении предварительного заключения. Мало того, что нередко пишутся эти решения под копирку без учета индивидуальных особенностей задержанных и иных обстоятельств, на что уже обращал внимание Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 29 октября 2009 г. «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» - есть факты, что о заключенных вообще забывают. так, просидел 5 месяцев в СИЗО Санкт-Петербурга без какого-либо судебного решения гражданин Пономарев (*Petr Ponomarev v. Russia*, no. 35411/05, 10.06.2010), а гражданину Шапошникову из Ульяновска судьи за новогодними хлопотами «забыли» продлить сроки предварительного заключения между 18 декабря 2004 г. и 13 января 2005 г... (*Shaposhnikov v. Russia*, no. 8998/05, 29.07.2010).

К сожалению, отмеченные выше дела по жалобам на статьи 2, 3, 5 Конвенции серьезностью нарушений и выплачиваемой компенсацией затмевают дела, интересные судьям с сугубо профессиональной точки зрения, а именно

дела, проходящие по центральной, 6-й статье Европейской Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство». Между тем и здесь 2010 год был достаточно интересным.

Начнем с постановления Большой Палаты по делу Сахновского (*Sakhnovskiy v. Russia*, no. 21272/03, Gr.Ch. 2.11.2010).

Дело Сахновского интересно тем, что Большая палата Европейского Суда детально рассматривает в нем процессуальные гарантии проведения видео-связи при рассмотрении дела в кассационной и надзорной инстанции. Это не первое дело подобного рода, рассмотренное Судом. Только в 2010 г. было рассмотрено дело Шугаева (*Shugayev v. Russia*, no. 11020/03, 14.01.2010), в котором Суд нашел нарушение статьи 6 § 1 и § 3 ввиду рассмотрения ВС РФ в кассации приговора Курганского областного суда по видео-связи в отсутствие адвоката. В июле 2010 г. было вынесено аналогичное постановление (*Samoshenkov and Strokov v. Russia*, no. 21731/03, 1886/04, 22.07.2010).

В деле Сахновского Верховный Суд РФ рассмотрел в кассации вынесенный Новосибирским областным судом приговор, прибегнув к видео-конференции 31 октября 2002 г. Сахновский участвовал в видео-конференции, но не был представлен адвокатом, хотя речь шла о приговоре по двойному убийству. После того, как Европейский Суд сообщил о жалобе властям Российской Федерации в марте 2007 г., уже 4 июля 2007 г. Президиум Верховного Суда РФ отменил в порядке надзора прежнее кассационное определение и назначил проведение заседания кассационной инстанции на 29 ноября 2007 г. Отказав Сахновскому в ходатайстве о личном участии в заседании, ВС РФ принял решение о проведении видео-конференции с выделением осужденному адвоката по назначению, которая и была предоставлена ему в ходе видео-конференции, и им была предоставлена возможность «конфиденциального» разговора в течение 15 минут – все участники заседания покинули зал. Сахновский после разговора с адвокатом отказался от ее услуг, тем не менее Верховный Суд провел заседание, внося в приговор незначительные изменения. В своем постановлении палата семи судей нашла нарушение как по событию 2002 г., так и по событию 2007 г., однако часть судей в совпадающем мнении сочла, что было только одно нарушение, а именно, при пересмотре дела в 2007 г., т.к. вся процедура 2002 г. была признана Верховным Судом не соответствующей закону.

При пересмотре постановления Большая палата учитывала следующие моменты:

- дело было достаточно сложным и требовало внимательно к нему отношения;

- заявитель участвовал в пересмотрах приговора только по видеоконференции, что поставило его в затруднительное положение с точки зрения обеспечения его защиты, хотя это и не было решающим фактором;

- у него не было никаких предварительных контактов с назначенным адвокатом;

- адвокат по назначению не готовила документов для кассации, что предполагает поверхностное знание обстоятельств;

- у заявителя и адвоката было слишком мало времени для обсуждения дела;

- связь по телеканалу не может по определению считаться «конфиденциальным общением», если не обеспечена линия общения по телефону;

- власти государства ответчика не представили убедительных аргументов о невозможности иной организации рассмотрения дела в кассационной инстанции, например привлечения адвоката по месту исполнения приговора.

Суд отметил, что пересмотр дела прошел через пять лет после того, как приговор стал окончательным – и только после коммуникации дела властям Российской Федерации (§§ 80-82). Со ссылкой на итальянский прецедент (*Marcello Viola c. Italie*, no. 45106/04, CEDH 2006-XI), а также на российскую жалобу, признанную неприемлемой ввиду соблюдения всех процессуальных гарантий при проведении видео-конференции (*Golubev v. Russia*, no. 26260/02, (dec.) 9.11.2006), Суд подчеркнул, что особое внимание при проведении заседания в виде видео-конференции должно уделяться обеспечению полноценной защиты, а также конфиденциального общения защитника с подсудимым. Суд заключил что «вторая процедура в кассационной инстанции не исправила недостатков первой: ни в 2002 г., ни в 2007 г. заявителю не была предоставлена эффективная защита со стороны адвоката. Таким образом, было допущено нарушение статьи 6 § 1 в совокупности со статьей 6 § 3 с) в процедуре, рассматриваемой как единое целое, завершившейся вынесением судебного решения 29 ноября 2007 г.» (§ 109 постановления).

Хотелось бы еще раз подчеркнуть: Европейский Суд не выступает против проведения судебных заседаний по видео-связи, он призывает «лишь» предоставить обвиняемому в совершении уголовного преступления реальную, а не формальную, защиту как того требуют интересы справедливого судебного разбирательства: «Что касается использования видео-конференции, Суд напоминает, что эта форма участия в процессе сама по себе не является несовместимой с понятием справедливого и публичного судебного разбирательства, но необходимо убедиться, что обвиняемый в состоянии следить за ходом заседания, быть услышанным без технических помех и реально и конфиденциально общаться со своим адвокатом» (§ 98).

Не обошел вниманием Европейский Суд и такую проблему российского правосудия, как длительность судебной процедуры, а попросту говоря судебная волокита, правда, как и прежде, доля таких дел гораздо ниже, чем, скажем, в жалобах против Италии, Греции и ряда других государств. (Совсем недавно принято «пилотное постановление», обязывающее Грецию принять меры по ускорению рассмотрения дел административными судами: *Athanasiou e.a. v. Grèce*, no. 50973/08, 21.12.2010).

Тем более одиозным выглядят, например, случаи рассмотрения более 8 лет Суворовским судом Тульской области дела о выселении со служебной жилплощади (*Kupriny (I) v. Russia*, no. 24827/06, 25.02.2010); либо в течение 9 лет 8 месяцев тяжбы со строительной компанией в г. Красногорске Московской области (*Barantseva v. Russia*, no. 22721/04, 4.03.2010); более 4 лет понадобилось Билибинскому суду на Чукотке рассмотреть простой гражданский иск к Пенсионному Фонду (*Lelik v. Russia*, no. 20441/02, 3.06.2010), правда, последняя жалоба рассмотрена самим Европейским Судом через 8 лет... Более 11 лет бродило по судам Тамбовской области уголовное дело по обвинению в хулиганстве и незаконном ношении оружия (*Kazyulin v. Russia*, no. 31849/05, 25.02.2010); уголовное преследование группы пожилых людей (от 68 до 90 лет) по обвинению в мошенничестве и подделке документов: рассмотрение дела судами Москвы длилось 6 лет и завершилось их оправданием... (*Konashvskaya e.a. v. Russia*, no. 3009/07, 3.06.2010).

В некоторых делах Европейский Суд не нашел нарушения статьи 6 Конвенции по основаниям длительности процедуры. В деле Рослова (*Roslov v. Russia*, no. 40616/02, 17.06.2010) Суд учел, что хотя процедура по обвинению в растрате длилась 5 лет 4 месяца, дело трижды пересматривалось в трех

инстанциях по ходатайствам обвиняемого, пока с него не были сняты обвинения за недоказанность, а Орловский областной суд присудил ему компенсацию 300 тыс. рублей. В деле Тимофеева, г. Шахты Ростовской области (*Sergey Timofeyev v. Russia*, no. 12111/04, 2.09.2010) Суд пришел к выводу, что общая длительность процедуры 8 лет 10 дней во многом явилась следствием сознательного затягивания процедуры адвокатами обвинявшегося в изнасиловании, но зато нашел нарушение статьи 6 ввиду рассмотрения дела в кассационной инстанции в отсутствие обвиняемого и его представителей.

Вообще вопросы процедуры – как гражданской, так и уголовной – постоянно в поле зрения Европейского Суда. Наиболее часто приходится рассматривать жалобы на несвоевременный вызов сторон на заседание кассационной инстанции при рассмотрении гражданских, реже – уголовных дел и принятие окончательного судебного решения в отсутствие одной из сторон. Эта категория жалоб стала уже рутинной. Гораздо «экзотичнее» выглядят жалобы на нарушения процессуальных прав обвиняемых в уголовном процессе. Так, в деле Павленко, Алтайский край (*Pavlenko v. Russia*, no. 42371/02, 1.04.2010), милиционеру, обвиняемому в серийном убийстве студенток университета, была разрешена первая встреча с адвокатом через месяц после ареста, хотя формально адвокат по назначению был назначен на четвертый день. Еще более странно выглядит рассмотрение уголовного дела в Савеловском суде г. Москвы в отсутствие обвинителя, когда сам суд подрядился зачитать обвинение, тем самым произошло смешение функций обвинения и независимого суда (*Ozerov v. Russia*, 64962/01, 18.05.2010). На недопустимость такого смешения функций обращал внимание Конституционный Суд в постановлении 20 апреля 1999 г., придя к заключению, что статья 228 УПК РСФСР дававшая возможность обвинителю не присутствовать на заседании, являлась нарушением пункта 3 статьи 123 Конституции: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Страсбургскому Суду оставалось только сделать следующее заключение: «Районный суд смешал роли обвинителя и судьи и по этой причине дал повод для обоснованных сомнений в своей беспристрастности» (§ 54 постановления).

Однако, самой типичной проблемой, как и прежде, остается отмена в надзорной инстанции вступивших в законную силу судебных решений по гражданским делам. Таких постановлений Судом принято в 2010 г. около

тридцати. Хочется надеяться, что инициированный Верховным Судом Российской Федерации законопроект о судах общей юрисдикции разрешит в случае его принятия извечную проблему российского правосудия – проблему правовой определенности. В ожидании этого события в Страсбурге с большим интересом встречены последние решения Верховного Суда РФ, не нашедшего основания для пересмотра дел и отмены вступивших в законную силу судебных решений по гражданским делам.

Вместе с тем, Суд отверг как неприемлемые несколько недавних жалоб на неисполнение постановлений Европейского Суда «в полном объеме» как его толковали заявители, отметив, что он не надзирает за исполнением своих постановлений (см. ведущий прецедент *Haase and Others v. Germany*, по. 34499/04, (dec.) 12.02.2008). В этом плане заслуживает внимания Постановление Конституционного Суда российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П по делу о проверке конституционности части второй статьи 392 ГПК РФ в связи с жалобами граждан А.А.Дорошка, А.Е.Кота и Е.Ю.Федотовой. В отношении трех заявителей Европейский Суд принял постановление о нарушении их прав в результате отмены надзорной инстанцией судебных решений в их пользу. Однако российские суды отказали в пересмотре их дел, указав на то, что статья 392 ГПК РФ содержит исчерпывающий перечень оснований для такого пересмотра, в число которых вынесение Европейским Судом по правам человека решения в пользу заявителя не входит... И хотя Конституционный Суд не признал указанную норму статьи 392 ГПК противоречащей Конституции, он тем не менее установил, что законодатель обязан внести изменения в ГПК *«с тем, чтобы гарантировать возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в случаях установления Европейским Судом по правам человека нарушения положений конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом общей юрисдикции конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский суд по правам человека»*. Кроме того, он постановил, что судебные постановления по делам указанных заявителей подлежат пересмотру в установленном порядке. Тем самым был создан очень важный прецедент для судебной практики.

Правда, Европейский Суд столкнулся с еще одной загадкой российской правовой системы: отсутствием четкой законодательной базы для решения гражданских споров по государственным обязательствам в виде займов, бондов

и.т.п. В деле Лобанова (*Yuriy Lobanov v. Russia*, no. 15578/03, 2.12.2010) он отметил отсутствие регулирования на уровне подзаконных актов (в данном случае – на уровне правительства) о погашении облигаций Государственного выигрышного займа 1982 года, поскольку Федеральный закон 10 мая 1995 г. «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации» отсылал именно к такому порядку его исполнения. Суд пришел к выводу о нарушении статьи 1 Протокола №1 Конвенции (защита собственности) ввиду «правовой неясности, несовместимой с обязательствами государства... обеспечить уважение собственности» (§ 54). Таким же образом Суд подошел к проблемам «качества закона» в других делах, рассмотренных в 2010 г. (*Malyshev and Others v. Russia*, no. 30280/03, 11.02.2010; *SPK Dimskiy v. Russia*, no.27191/02, 18.03.2010; *Tronin v. Russia*, no. 24461/02, 18.03.2010).

Кстати, своеобразной переключкой с этой проблемой служит решение Верховного Суда РФ от 28 декабря 2009 г., в котором поднят принципиальный вопрос об эффективности исполнительного производства, когда независимо от избранного варианта исполнения положение взыскателя в сфере исполнительного производства не должно ухудшаться, несмотря на то, что ответчиком является публичная власть. Со ссылкой на правовые позиции Конституционного Суда и Европейского Суда Верховный Суд признал недействующим пункт 14 Административного регламента исполнения Федеральным казначейством государственной функции организации исполнения судебных актов, ущемлявший права взыскателя на информацию о лицевых счетах должника, с которых взыскиваются денежные средства.

В заключение – о разном, рубрике, нередко самой интересной для правозащитников и прессы. Это дела, связанные с гарантиями прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни), статьей 9 (свобода мысли, совести и религии), статьи 10 (свобода выражения мнения), статьи 11 (свобода собраний и объединений), а также статьи 3 Протокола №1 (право на свободные выборы).

Но начать этот раздел следует с относительно новой проблемы для жалоб против России – проблемы экстрадиций и высылки иностранцев, тем более, что внимание к ней обострилось на фоне «цыганской проблемы» в ряде стран Европы и проблемы высылки иностранцев, совершивших противоправные поступки.

В 2010 г. продолжали поступать ходатайства о применении правила 39 Регламенты («неотложные меры»), прежде всего по поводу экстрадиции или административной высылки в страны ближнего зарубежья, а также с просьбой принять срочные меры для улучшения положения заключенных. Общая тенденция в Европе – рост подобного рода обращений в Европейский Суд. Россия не «выпадает» из этой тенденции, пик обращений по правилу 39 пришелся именно на 2010 г.: около 70 (60 в 2008 г., 50 в 2009 г.), из них 13 удовлетворено, т.е. доля удовлетворенных ходатайств выше, чем в предыдущие годы (7 в 2008 г., 9 в 2009 г.) – все они связаны с экстрадицией либо высылкой (9 в Узбекистан, 2 – в Казахстан, 1 – в Таджикистан). Суд тщательно изучает доводы заявителей о предполагаемом нарушении статьи 3 Конвенции в случае экстрадиции или высылки.

По ряду жалоб приняты постановления о потенциальном нарушении статьи 3 в случае экстрадиции (высылки) заявителей в страны, где они рискуют подвергнуться бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, либо пыткам. Как отмечалось выше, таких постановлений в 2010 г. было 15, ждут приоритетного рассмотрения еще несколько десятков дел этой категории. Каждая ситуация наполнена драматизмом, заявители, как правило, бежали в Россию из государств Средней Азии, спасаясь, по их утверждению, от преследований по политическим, религиозным, национальным мотивам, вдогонку им идут экстрадиционные требования с неподдающимися проверке обвинениями в совершении уголовно наказуемых преступлений, адвокаты шлют срочные требования о применении статьи 39 Регламента, заявители месяцами, а то и годами, ждут решения своей участи в ИВС, СИЗО и спецприемниках. Россия, в свою очередь, связана обязательствами стран СНГ по Минской конвенции 1993 г. и двусторонними соглашениями с многими государствами о взаимной помощи по гражданским и уголовным делам... В особенно деликатном положении находится Генеральная прокуратура, получающая письменные гарантии от государств о соблюдении процессуальных прав экстрадируемых, и Федеральная миграционная служба, призванная противостоять нелегальной иммиграции. Но и у Европейского Суда, начиная с известного прецедента по делу Сёринга (*Soering v. U.K.*, 7.7.1989, A Series, 161) выработаны стандарты обеспечения прав выслаемых или экстрадируемых.

В последнее время обострились конфликты ряд европейских государств с Советом Европы, Комитетом Министров Совета Европы по поводу неисполнения постановлений Европейского Суда по экстрадициям. Видимо, назрела необходимость провести под эгидой Совета Европы специальную конференцию государств Европы по выработке единой позиции по проблемам экстрадиций и высылки, в противном случае в ближайшее время может сложиться весьма опасная ситуация в масштабе всей Европы. Щекотливая ситуация сложилась и после неоднозначного постановления по делу Клейна (*Klein v. Russia*, no. 24268/08, 1.04.2010), задержанного в аэропорту Домодедово гражданина Израиля, чьей экстрадиции требовала Колумбия. Скандальная история с похищением в г. Королеве одного из лидеров таджикской оппозиции Искандарова, в экстрадиции которого было отказано, но который был вывезен в Таджикистан при загадочных обстоятельствах (см.: *Iskandarov v. Russia*, no. 17185/05, 23.09.2010), поставила в затруднительное положение и Европейский Суд, который не нашел иного термина для обозначения ситуации, как «removal» («перемещение») и заключил: «Суд считает, что перемещение заявителя в Таджикистан является нарушением обязательств государства-ответчика защитить его от риска жестокого обращения» (§ 134 постановления).

В завершение – действительно о разном.

Много комментариев вызвало два постановления Европейского Суда – дело военнослужащего Маркина (*Konstantin Markin v. Russia*, no. 30078/06, 7.10.2010) и дело гей-активиста Алексева (*Alekseyev v. Russia*, no. 4916/07, 21.10.2010). Первая жалоба касалась проблем отца-одиночки, которому было отказано в предоставлении 3-летнего отпуска по уходу за ребенком на том основании, что Федеральный закон «О статусе военнослужащих» предусматривает такой отпуск только женщинам военнослужащим, в то время как «на гражданке» таким право пользуются как женщины, так и мужчины, согласно Федеральному закону от 19 мая 1995 г. о государственных пособиях гражданам, имеющим детей, и Положению о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей, от 30 декабря 2006 г. Дополнительной интригой в деле было определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. по жалобе К.А.Маркина о признании неконституционными тех положений указанных актов, которые, по его мнению, являются дискриминационными и препятствуют осуществлению военнослужащими мужского пола, проходящими военную службу по

контракту, права на воспитание своих детей. Конституционный Суд не нашел эти оспариваемые положения противоречащими Конституции, исходя из предъявленных к военной службе специфических требований. По этой причине КС РФ не нашел признаков дискриминации и нарушения равноправия мужчин и женщин. С этим выводом Европейский Суд не согласился и шесть голосами против одного нашел нарушение статьи 14 (запрещение дискриминации) в совокупности со статьей 8 (право на уважение частной и семейной жизни). Это постановление вновь возбудило страсти по поводу субсидиарного характера механизма Европейской Конвенции и иерархии норм национального и международного права.

Дело Алексеева тоже возбудило страсти вокруг необходимости «учитывать национальные культурные и религиозные ценности» прежде чем считать нарушением статьи 11 (свобода собраний и объединений) запреты гей-парадов мэрией г. Москвы. Следует напомнить, что в католической Польше достаточно спокойно отнеслись к аналогичному постановлению Суда. (*Baczowski and Others v. Poland*, no. 1543/06, ECHR 2007-VI).

«Отметилась» в 2010 г. и другая тема – санкции против журналистов за публикации острых статей, критикующих местные власти. *Fedchenko v. Russia*, no. 33333/04, 48195/06, 7972/09, 11.02.2010; *Bezmyannyy v. Russia*, no. 10941/03, 8.04.2010; *Andrushko v. Russia*, no. 4260/04, 14.10.2010; *Saliyev v. Russia*, no. 35016/03, 21.10.2010; *Novaya Gazeta v Voronezhe v. Russia*, no. 27570/03, 21.12.2010 – по этим делам Суд нашел нарушение статьи 10 (свобода выражения мнения), поскольку счел примененные санкции (штраф, опровержение, извинения) непропорциональными. В одном деле (*Aleksey Ovchinnikov v. Russia*, no. 24061/04, 16.12.2010) Суд единогласно не нашел нарушения статьи 10, поскольку статья в ивановской газете без всяких доказательств намекала на социальный статус родителей совершивших правонарушение подростков как на причину прекращения следствия. Правда, в совпадающем мнении пришлось отметить тот факт, что суд г. Иваново довольно расширительно толковал статью 152 Гражданского кодекса, требуя от газеты принесения извинений. На недопустимость такого расширительного толкования указал в свое время Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»: «Извинение как способ судебной защиты чести,

достоинства и деловой репутации статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и другими нормами законодательства не предусмотрено, поэтому суд не вправе обязывать ответчиков по данной категории дел принести истцам извинение в той или иной форме» (пункт 18). Таким образом, опосредованно через Страсбург, приходится напоминать судам о том, что уже установлено на национальном уровне.

Как видно из этого - по необходимости краткого – обзора правовых позиций Европейского Суда по правам человека, в его постановлениях представлена практически вся гамма статей Европейской Конвенции, требующих своей оценки и толкования. В этом состоит, пожалуй, уникальность положения России, интерес к ней исследователей. Достаточно сказать, что публикации по российским прецедентам Европейского Суда насчитываются уже десятками. Большое число этих постановлений рекомендовано к включению в сборники ключевых прецедентов Европейского Суда, что делает ссылки на эти прецеденты обязательными при вынесении постановлений по другим государствам. Таким образом, Россия заняла свое место в европейском правовом пространстве и угрозы выйти из него, какими бы мотивами они не сопровождались, приведут в случае их реализации к изоляции в этом пространстве. Поэтому хочется верить в заверения министра юстиции Александра Коновалова: «Пока Россия является членом Совета Европы и Европейской Конвенции о защите прав человека, однозначно российские суды исполняют и будут исполнять решения ЕСПЧ» (Pravo.Ru//News/3.12.2010, <http://www.pravo.ru/news/view/43697/>).